

УДК 343.359.2

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: КОНФЛИКТ ИЛИ ДИФФУЗИЯ?¹

Е.Е. ТОНКОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет**e-mail: etonkov@bsu.edu.ru*

В статье показано, что конфликтное состояние общества является результатом восприятия и осознания им окружающей социальной среды, своеобразной формой реагирования населения на деятельность государства. Законодательное признание приоритета прав человека и установление государственной обязанности по их защите еще не является гарантией обеспечения реального исполнения органами государственной власти своих конституционных обязанностей. К тому же коррупционный механизм представляет реальную угрозу правам и свободам личности в обществе, блокируя конституционные права граждан интересами преступных формирований.

Ключевые слова: власть, государство, конфликт, коррупция, общество, права человека, свобода, субъективное право.

Вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в России приобретает в последнее время ключевое значение, что объясняется осложнением отношений с Западом и неизбежными в связи с этим трансформациями во внутренней политике. При этом нередко приходится слышать об отсутствии в России традиций гражданского общества, что наш народ якобы не готов адекватно воспринять идеи свободы и трактует их только с позиции реализации персональных субъективных прав, как вольницу, ведущую к хаосу и разрухе. Этому во многом способствует и неоднозначная ситуация в Украине.

Между тем, в дореволюционной России идеи субъективного права обсуждались достаточно активно. Например, Г.Ф. Шершеневич все попытки отрицания субъективного права называл «протестом против слова, а не означаемой им сущности»². Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав относится к основным началам и современного российского законодательства.

Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом на протяжении последних двадцати лет, следует подчеркнуть, что причинами очевидного рассогласования стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка. Вероятно, к объективным причинам можно отнести самые различные факторы, начиная от внешнеполитической ситуации и заканчивая конкретными условиями жизни индивидуума, ощущающего все большее давление государственного пресса. Не секрет, что в число субъективных причин входят и индивидуально-психологические особенности граждан, и их взаимоотношения, в том числе, актуальное состояние психики отдельных лиц, пытающихся добиться справедливости, которую каждый из нас понимает по-своему.

По точному замечанию Ю.Е. Аврутина, «юридическая гарантированность субъективных прав отнюдь не всегда не означает их практическую реализацию»³. Более того, почти всегда это обусловлено не отказом гражданина от реализации своего законного интереса, но бездействием (если не активным противодействием) органов власти. В подобных случаях, достаточно распространенных на всей территории нашей страны, партнерство государства и населения, подразумевающее конструктивный диалог и эффективное сотрудничество, замещается конфликтной ситуацией.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России, код проекта: 322.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. – С. 600.

³ Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. – № 10. – С. 103.

Конфликтное состояние общества является результатом восприятия и осознания им окружающей социальной среды, своеобразной формой реагирования населения на неэффективную деятельность государства, чрезмерное вмешательство в личную жизнь граждан, желание власть имущих все контролировать, но не принимать реальных мер к росту благосостояния общества.

Р. Макк и Р. Снайдер обращали внимание, что термин «конфликт» в том виде, в котором он обычно употребляется представляет собой «резиновое» понятие, которое можно «растягивать» в зависимости от наших желаний: «конфликт в самом широком смысле включает все, начиная с войны и кончая выбором между молочным и сливочным мороженым, – разница между «конфликтом» и «не-конфликтом» является в лучшем случае неопределенной, а в худшем ее нет вовсе»⁴.

Деятельность государства по управлению обществом всегда предполагает и обусловливает наличие особого административного ресурса в виде различных учреждений и организаций. Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами организованного управления различными сферами жизни общества. Он характеризуется системой мер, в которую входят как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия, что отражает классические методы управления убеждение и принуждение.

В общем механизме управления жизнью общества разрешение конфликтов осуществляется с учетом определенных тенденций, выражающих взаимообусловленный порядок причинной связи между компонентами рассматриваемого процесса, при котором изменение одних параметров инициирует изменение других.

Органам государственной власти надо учитывать, что «в современных условиях, когда формируются гражданское общество и правовое государство, поведение граждан должно быть основано на дозволениях, их правовой активности, а субъективные права способствуют поддержанию базовых отношений, правопорядка, гарантируют развитие желаемых для общества моделей поведения и мягко ограничивают социально-вредное поведение»⁵.

Признание приоритета прав человека и установление государственной обязанности по их защите – распространенное и даже привычное явление в современном демократическом мире. Поэтому теоретическое осмысление конфликтов, возникающих в нашей стране и связанных с охраной и защитой субъективных прав, роли функций государства в этом процессе, безусловно, не является новым. Однако опыт практической реализации ст. 2 Конституции РФ показал, что существенного положительного изменения обстановки в сфере прав и свобод человека и гражданина в течение последних лет не произошло.

Более того, по мнению некоторых ученых, «субъекты правотворчества так и не определились с целью, ради которой осуществляются охрана и защита прав, свобод и законных интересов»⁶.

Прошедшие годы не стали фактором существенного изменения отношения к правам человека и необходимости их соблюдения и защиты. Сложившуюся ситуацию можно считать вполне закономерным результатом сформировавшейся на постсоветском пространстве научно-правовой традиции, которая существовала и продолжает во многом главенствовать с советских времен. Функции государства по-прежнему рассматриваются как способы или средства воздействия государства на общественные процессы и поведение людей. Такие представления последовательно отражают присущую советскому правоведению идеологию верховенства государства над личностью, которой отводилось место объекта воздействия со стороны государственных органов.

⁴ Mack R., Snyder R. The Analysis of Social conflict – toward and overview and synthesis // The Journal of Conflict Resolution. 1967. – v.1. – №2. – P.212.

⁵ Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 10.

⁶ Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М., 2010. – С. 26.

На наш взгляд, в современном социальном государстве подобная ситуация недопустима и требует незамедлительной коррекции, т. к. существенно отдаляет нашу страну от правового качества, выступает барьером для поступательного развития, противопоставляет интересы гражданского общества и государства. Для исправления сложившегося положения требуется усилить правозащитный аспект государственной деятельности. Наиболее убедительные аргументы, подтверждающие данный довод, могут быть выявлены при научном осмыслении комплекса вопросов, связанных с обособлением и становлением правозащитной функции Российского государства.

Американский исследователь Л. Козер не без оснований считает, что в основе конфликтов в государстве находится «борьба за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы». По его мнению, любое общество, рассматриваемое как социальная система, предполагает определенное распределение власти, богатств и позиций статуса среди людей и групп. Очевидно, что при этом никогда не существует полного согласия всех по поводу справедливости действующей системы распределения. Поэтому конфликт возникает в результате попыток отдельных личностей или групп реализовать свои суждения по вопросам соразмерности того или иного блага⁷.

Конфликтное поведение людей во многих случаях обусловлено изъянами в их правовой социализации, которая представляет собой процесс приобретения личностью правовых знаний и опыта правового общения. Целью правовой социализации является выработка адекватных и гармоничных позиций по отношению к праву и закону, привитие навыков законопослушного поведения.

Гражданское общество, по мнению А.В. Лагуткина, представляет собой «сообщество независимых субъектов (граждан) внутри государства, вырабатывающих моральные и материальные ценности в интересах самого сообщества и государства»⁸.

Хотя жизнь гражданского общества не существует вне государства, однако при фактической диффузии государства в российские общественные структуры становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество, в результате чего облик мифа приобретает и само гражданское общество. Как бы ни пытались государственные политики и «огосударствленные» средства массовой информации придать «Единой России» образ одного из демократических институтов гражданского общества, она все более обрастает рудиментами КПСС.

Как подчеркивает Н.И. Матузов, в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство⁹.

В каждом из нас есть креативный механизм, который дает возможность саморазвития. Если поведение человека определяется извне, то это не свобода. Человек становится свободным только в том случае, когда он способен понимать и реализовывать свои внутренние ценности. Нельзя построить совершенное общество, с постоянным упорством отдавая предпочтение послушным и примитивным гражданам. Интеллектуальный потенциал нации не может быть сформирован из людей, лишенных стремления к самореализации. Однако, увлекаясь идеей свободы нельзя забывать, что свобода от обязательств перед государством и собственным народом, как правило, приводит к правовому хаосу, что наглядно демонстрируют трагические события в Украине.

Не случайно, еще Г.В.Ф. Гегель подчеркивал, что «в гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто»¹⁰.

Поэтому при оценке существующих конфликтных противоречий в обществе следует учитывать, что среди населения распространен ряд суждений, оправдывающих негативные формы поведения с помощью различной аргументации. Эти вопросы в свое время находились в центре философских исследований И. Канта. Отстаивая чистоту нравственных мотивов поведения, он считал, что принцип заинтересованности подводит под нрав-

⁷ См.: Coser L. *Continuities in the Study of Social Conflict*. N.Y., 1967. – P. 8.

⁸ Лагуткин А.В. *Россия на распутье: куда пойдём?* М., 2014. – С. 3.

⁹ См.: Матузов Н.И. *Актуальные проблемы теории права*. Саратов, 2003. – С. 103.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. –С. 228.

ственность мотивы, которые, скорее, подрывают ее и уничтожают весь ее возвышенный характер, смешивая в один класс и добродетели, и побуждения к пороку и научая только одному – как лучше рассчитывать. Специфическое же отличие того и другого – совершенно стирают.

Признавая, что природой человека предопределено его естественное стремление к счастью, Кант вынужден согласиться с невозможностью для большинства граждан достижения собственного благополучия путем честного исполнения долга и соблюдения моральных норм. Это происходит в силу того, что «по естественному ходу вещей в мире» добродетель не всегда приводит человека к благоденствию. Долг и счастье в действительности не совпадают и подчас пребывают в разных плоскостях. Кантовская этика выводит отсюда веру человека в справедливость «потустороннего воздаяния», когда добродетель и блаженство полностью совпадают. Поэтому И. Кант придавал особое значение мотиву того или иного поступка человека.

Для того, чтобы деяние личности было добрым, по его словам, «недостаточно, чтобы оно было сообразно с нравственным законом; оно должно совершаться также ради него; в противном случае эта сообразность будет лишь очень случайной и сомнительной, так как безнравственное основание хотя и может вызвать порой сообразные с законом поступки, но чаще будет приводить к поступкам, противным закону»¹¹. Забвение этих постулатов и игнорирование нравственной природы права не раз подводило политиков, порождая в государстве беззаконие и произвол.

И.Е. Фарбер рассматривал основные права и свободы человека как юридическую форму прав человека, включенного в определенную социальную систему¹².

Если согласиться с этим утверждением, то вполне понятно, что никаких явно выраженных различий между гражданином государства и участником гражданского общества не существует. Практически любой из нас, являясь гражданином, одновременно представляет и часть гражданского общества, участвуя тем или иным образом в общественно-политической жизни страны.

Вместе с тем, как отмечается в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности»¹³.

При этом в постановлении Конституционного Суда РФ указано, что «гражданин и государство Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями»¹⁴. Означает ли это, что государство тем самым фактически ограничивает свободу членов гражданского общества, самостоятельно устанавливая ее допустимые пределы? В каких пределах тогда подобные ограничения допустимы и не граничат ли они с государственным произволом, исключая любые проявления инакомыслия.

Вот почему более взвешенной и точной нам представляется позиция Б.С. Эбзеева, который считает, что «Конституция устанавливает меру взаимной свободы и ответственности государства и личности, определяет пределы государственного вторжения в сферу жизнедеятельности индивида, которые не могут быть преодолены без риска утраты государством легитимности, а также границы индивидуальной автономии личности и некоторые важнейшие формы и способы ее проявления»¹⁵.

С учетом этого, исследуя и формируя теоретические основы деятельности государства в правозащитной сфере, мы пытаемся выявить определенный способ понимания, трактования исследуемого феномена, руководящей идеи и ведущего замысла, изменить годами (если не веками) концептуальные тоталитарные основы государственной деятельности в данной сфере. Одновременно нельзя не учитывать субъективный характер любой концепции правозащитной деятельности государства. Очевидно одно, что новая правовая перспектива не может основываться на простой совокупности юридических

¹¹ Кант И. Сочинения. Т.4. – Ч.1. – С. 224.

¹² См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

¹³ См.: Международное право в документах. М., 1998. – С. 7.

¹⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. – № 1. – Ст. 54.

¹⁵ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. – С. 192.

норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью функций государственной деятельности.

Наряду с расширением сферы деятельности государства, изменения его направленности в сторону обеспечения прав и свобод человека и гражданина, возникает необходимость в уточнении функций современного социального государства. При таком подходе возможны дальнейшие теоретические и конституционно-отраслевые разработки сущности и содержания функций государства с учетом его модернизации - уточнение приоритетных направлений деятельности государства и его органов в сфере защиты прав человека, развитие конституционной системы и структуры такой защиты, выработка критериев участия публичных структур в реализации правозащитной функции государства. Эти и иные возможности, опосредованные обособлением и развитием правозащитной функции государства, могут позитивно сказаться на состоянии защиты прав человека в России.

По словам Б.С. Эбзеева, «государственное признание прав человека представляет собой форму их трансформации в права гражданина, которые есть лишь превращенные права человека»¹⁶.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию сущности функций государства и юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось.

Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обуславливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют переформулирования и обоснования на теоретико-методологическом уровне.

Несмотря на то, что правозащитная функция государства нашла достаточно четкое закрепление в Конституции РФ, ее выделение в качестве самостоятельного направления государственной деятельности в правоведении пока не состоялось. Тем не менее, на наш взгляд, в современном цивилизованном демократическом государстве, к числу которых стремится принадлежать и Россия, обособление правозащитной функции приобретает характер тенденции. На это указывают, во-первых, положения международных актов в части, касающейся защиты прав человека; во-вторых, нормы новых конституций, в той или иной степени отражающих обязанность государства защищать права и свободы человека; в-третьих, признание юрисдикции международных правозащитных органов, опосредующее ответственность государства, допустившего нарушение прав и свобод человека.

Как отмечает Н.И. Матузов, «единичное субъективное право есть гарантированное законом вид и мера возможного (дозволенного, разрешенного, допустимого) поведения»¹⁷.

Сегодня российское «демократическое федеративное правовое государство», равно как и «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», поспешно продекларированное в ст. ст. 1, 7 Конституции РФ, переживают затянувшийся период становления и развития, отягощенный процветанием коррупции и чиновничьего произвола. Самоценность и самоидентификация личности, являющиеся критериями свободного развития и совершенствования гражданского общества, на наш взгляд, существенно сдали свои позиции даже по сравнению с так называемыми «лихими» 90-ми.

По словам О.В. Орловой, «идея гражданского общества не получила должной легитимации в общественном сознании, не выросла в сознание и быт российского человека»¹⁸.

¹⁶ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. – С. 248.

¹⁷ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. – С. 70.

¹⁸ Орлова О.В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества // Государство и право. – 2013. – № 7. – С. 25.

Кроме того, следует обратить внимание на недостаточно верное восприятие и не всегда адекватную оценку факторов, провоцирующих прогрессирующее развитие коррупции, а также их масштабность. В определенный момент произошла переоценка способности силовых ведомств в борьбе с этими явлениями. Оказалось, что так называемые «силовики» правоохранительной системы сами нередко оказываются бессильны перед коррупционным вирусом и страдают весьма распространенным иммунодефицитом (впрочем, скорее, от их иммунодефицита страдает население).

В результате в стране не сформированы реальные механизмы по координации усилий государственных и общественных организаций по противодействию коррупции, борьба с которой сводится к пустым декларациям и не затрагивает основы коррупционного олигархата, оказывающего воздействие непреодолимой силы на властные структуры.

Метастазы коррупции интенсивно продолжают проникать в экономику государства. При фактическом отсутствии в России открытости, подотчетности и подконтрольности коррупция, являясь совокупным продуктом монополизации государственной власти, неизбежно ведет к авторитаризму и олигархии, завуалированными под «управляемую демократию».

Уже ни для кого не секрет, что коррупционный механизм представляет реальную угрозу правам и свободам личности в обществе, блокируя конституционные права граждан интересами преступных формирований путем лоббирования, протекционизма, а нередко – и прямого насилия.

При отсутствии полноценной законодательной базы и уверенности в правовой защите обыватель вынужден вести себя по правилам, определяемым коррумпированными чиновниками. Общество поражено вирусом философии преступного мира, им инфицирован социально-психологический климат и сознание социума.

Состояние криминализации государственного аппарата российского общества сегодня вызывает тревогу даже у тех, кто сам тем или иным образом причастен к созданию преступного механизма, запущенного легковесными манипуляциями с рыночными реформами. Размытость правосознания элитарных гангстеров и полное отсутствие какого-либо социального контроля за их деяниями инициирует не только катализацию безответственности, но и одновременно заканчивает разрушать остатки государственных устоев.

Проблема необходимости преодоления негативных тенденций и выхода из полосы перманентной нестабильности требует незамедлительного решения и, в первую очередь, путем интеграции различных государственных и общественных структур в процессе противодействия коррупции. Только в этом случае можно будет говорить о том, что гражданское общество обладает правом если не решающего, то хотя бы совещательного голоса в нашей стране.

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 103.
2. Mack R., Snyder R. The Analysis of Social conflict – toward an overview and synthesis // The Journal of Conflict Resolution. 1967. v.1. №2. P.212.
3. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 10.
4. Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М., 2010. С. 26.
5. Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967. P. 8.
6. Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдём? М., 2014. С. 3.
7. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 103.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.
9. Кант И. Сочинения. Т.4. Ч.1. С. 224.
10. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.
11. Международное право в документах. М., 1998. С. 7.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А.Смирнова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

13. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. С. 192.
14. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 248.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 600.
16. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 70.
17. Орлова О.В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества // Государство и право. 2013. № 7. С. 25.

THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: CONFLICT OR DIFFUSION?

Y.Y. TONKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The article shows that conflict society is the result of perception and understanding of the surrounding social environment, the peculiar form of the population's response to the state's activities. Legislative recognition of the priority of human rights and the establishment of the state duty to protect is not a guarantee of actual execution by public authorities carry out their constitutional duties. Moreover, corruption is a real threat to the rights and freedoms of the individual in society, blocking the constitutional rights of citizens, the interests of criminal groups.

Key words: power, state, conflict, corruption, society, human rights, liberty life, subjective right.